

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'1

СУБМОРФНЫЕ УНИФИКАЦИИ С ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ КАК МАРКЕРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ВИДЕНИЯ МИРА

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)

Представлены результаты сопоставительного исследования субморфных унификаций с именем личным (антропонимом) в роли маркеров пространственной концептуализации мира говорящим субъектом на материале подлинного говорения в четырех культурах: белорусской, русской, английской и американской. Термин «субморф» используется в его якобсоновском понимании, то есть как неморфемный языковой знак типа *-удэма* в *тудэма-сюдэма*, *-issi* в *Lissie-Missie*, *-авушка* в *Клавушка-Мавушка*, *-аўка* в *Клаўка-маўка*. Показывается проксемическая, то есть дистантнообразующая роль неморфемных объединений с именем личным, а также корреляция передаваемых ими созначений степени удаленности/приближенности с гендерной идентичностью коммуниканта. Отмечаются некоторые культурно-специфические черты реализации субморфных унификаций обсуждаемой разновидности.

Введение. Лингвистические исследования последних лет убедительно показывают роль языковых средств в отражении пространственного видения мира человеком. Так, дейктические слова, в большой степени являющиеся языковой универсалией, способствуют реализации различия между ближним пространством (*здесь, тут, here, this, these*) и дальним (*там, там, той, that, those, there*) [1, с. 27; 2].

Получены убедительные данные о том, что ход развития смысловой структуры префиксов в английском языке представляет собой переход от изначально весьма конкретных указаний на пространственные ориентиры к более обобщенным. Причем такое превращение является общей тенденцией в развитии разных в этимологическом отношении приставочных единиц [3, с. 57].

Наш анализ многочисленных диминутивных форм в реальном вербальном поведении представителей четырех культур позволил прийти к выводу о значимости данных форм в передаче созначений не только размера, ласкательности или уничижительности, но и дистанции. Так, *Аннушка*, помимо всего прочего, видится локализованной в пространственном отношении на более близком расстоянии к употребившему данное имя субъекту, чем *Анна* или даже *Аня*.

Представленные в качестве примера, а также и многие другие описанные в лингвистических исследованиях способы обозначения дистанции, безусловно, не исчерпывают всю языковую палитру, с помощью которой осуществляется пространственная категоризация мира. Скорее они являются наиболее очевидными среди многих других, более локальных и/или скрытых средств и поэтому стали объектом рассмотрения первых исследований в обсуждаемой области. Как мы полагаем, язык обладает и многими другими, менее явными способами обозначения дистантных, а значит и пространственных созначений, которые в своей совокупности позволяют ему и его важнейшим единицам – высказыванию и тексту – прежде всего формировать определенное мировидение, некий интерпретирующий взгляд на окружающую действительность, позиционируя реалии мира на определенные расстояния от говорящего или пишущего субъекта. Одним из таких способов, на наш взгляд, являются так называемые субморфные унификации с именем собственным.

Основная часть. Неморфемные или субморфные унификации, как известно, представляют собой образования типа: *-ere* /*ʔq*/ (*where-there*) в английском языке; *-уры* (*иуры-муры*); *-уды* (*туды-сюды*) соответственно в русском и белорусском языках. Впервые о субморфных унификациях заговорил Р. Якобсон, убедительно представив их значимость для формирования системы склонения в русском языке и показав, что в данном языке сходство окончаний ограничивается либо одинаковым числом фонем, либо общностью одной из фонем (например, в любой парадигме множественного числа все окончания периферийных падежей начинаются с одного и того же гласного, а в прочих типах склонения все полифонемные окончания периферийных падежей содержат одну и ту же неслоговую фонему; все полиморфемные окончания косвенных падежей в женских типах склонения заключают *-j*-, а в остальных типах склонения все полиморфемные окончания *T* и *D*-, то есть необъемных периферийных падежей, содержат губную носовую фонему) [4, с. 195]. В дальнейшем наблюдения Р. Якобсона были дополнены убедительными данными А.А. Реформатского [5], А.А. Зализняка [6], В.В. Иванова [7], К.И. Позднякова [8]. Они показы-

вают значимость унификаций обсуждаемого типа для конструирования и эффективного функционирования системы не только русского, но и, практически, всех попавших в поле исследования названных авторов многочисленных языков.

Любопытной разновидностью субморфных объединений являются те из них, которые имеют в своем составе имена личные, то есть антропонимы, например: *Dolly-Molly*, *Suzie-musie*, *Вера-мера*, *Алеська-малеська*. Какова функция подобных унификаций? Принимая во внимание установленную гендерно-специфическую частотность употребления разновидностей таких унификаций [9], можно утверждать, что конструирование гендерной идентичности говорящего субъекта является их важнейшим предназначением, важнейшей функцией. Каким образом, однако, она осуществляется? Что происходит в семантике текста или высказывания, инкорпорирующего подобные объединения? Какие модификации начинают в них проявляться, позволяя слушателю строить предположения о гендерной принадлежности употребившего их говорящего субъекта?

Цель настоящего исследования – показать проксемическую, то есть дистантно-образующую роль внеморфемных объединений с именем собственным в своем составе. Предполагается, что степени отдаленности/приближенности, коннотируемые данными объединениями, могут быть в определенной мере «ответственны» за создание гендерного образа употребляющего их коммуниканта.

Непосредственной задачей исследования является установление разновидностей проксемических созначений, которые могут быть коннотированы субморфными объединениями с именем личным. В качестве примера приведем следующие фрагменты подлинного общения на русском, белорусском и английском языках, в которых зафиксированы имена собственные в субморфных унификациях.

1. А₁: *Обратитесь к Инне.*
 Б₁: *Ха!*
 А₂: *Что такое?! Она все уладит.*
 Б₂: *Да уж уладит! Уж уладит ...*
 А₃: *Да, Инна!*
 Б₃: ***Инна-минна!** Да!*
 А₄: *Ну вот опять!*
 Б₄: *Ничего подобного! Ничего не опять!*
2. А₁: *Тут павінен быць нехта аўтарытэтны.*
 Б₁: *Так.*
 А₂: *Каб паважалі. Жэнька, напрыклад.*
 Б₂: *Ыт! Ты-ты-ты-ты!*
 А₃: *Чаму? **Жэнька** ...*
 Б₃: ***Жменька!** Які аўтарытэт?! Хе-хе! **Жэнька-жменька!** Ф-ф-ф!*
3. А₁: *Doreen is very special. Very very special, cause ...*
 В₁: *She's **Doreen-moreen** and always smilie.*
 А₂: *That's right. Exactly. Hoo! I am happy you understand.*

Многолетние наблюдения за вербальным поведением в четырех культурах (английской, американской, белорусской и русской), а также анализ записей подлинного общения на языках данных культур, составивших около 200 000 слов текста, позволили получить весьма убедительные данные о некоторых особенностях образования и функционирования описываемых унификаций, подробно представленные нами в специальной публикации [9]. Суммируя изложенную в ней информацию, правомерно утверждать, что фонетическое уподобление инициативных и последующих слов в составе субморфных унификаций достигаются с помощью весьма небольшого количества технических приемов, а именно:

- 1) повторение слоговой структуры инициативного слова с полным или частичным сохранением фонетического облика одного или нескольких его слогов;
- 2) разной локализации имени собственного в пределах субморфных унификаций;
- 3) изменения слоговой структуры последнего, «комментирующего» слова, как правило, не имени собственного, в результате чего данное слово приобретает дополнительный слог (чаще) или даже несколько слогов (намного реже);
- 4) изменения внутренней структуры одного из слогов последующего слова;
- 5) конструирования трех, четырех и пятичленных образований.

Общие количественные показатели встречаемости субморфных унификаций с именем собственным в нашем материале гендерно мало дистинктивны. Всего на 5 – 6 % в среднем женщины употребляют их чаще, чем мужчины. Кроме того, среди женщин зафиксировано больше говорящих, в вербальном поведении которых были обнаружены обсуждаемые унификации. Сказанное справедливо в отношении всех сопоставляемых культур [9].

Любопытно отметить, что все перечисленные способы конструирования исследуемых субморфных объединений в значительном количестве случаев прибегают к использованию звука /м/, в английском варианте /m/. Иванов В.В. отмечает частотность данного звука в организации любых «двустворчатых» образований в терминологии К. Чуковского [10].

Наше исследование подтверждает данное наблюдение на материале унификаций с именем собственным. Как видно из представленных в фрагментах трех примеров, /м/ или /m/ действительно может активно участвовать в сотворении фонетических единств с именем собственным в их составе во всех сопоставляемых языках (*Инна-минна, Жэнька-жменька, Doreen-Moreen*). Кроме того, в белорусском и русском говорении употребительно также сочетание /шм/ при образовании единств анализируемой разновидности: *Танька-шманька, Витя-шмитя, Толік-шмолік*. Более того, изредка встречается сочетание /м/ со звуком /жс/, например: *Шурик-жмурик, Борык-жморык*. В подавляющем большинстве зарегистрированных нами случаев при использовании /жсм/ наблюдается явная логическая оправданность употребления комментирующего слова с инициальным слогом, содержащим /жсм/ в своей структуре. Так, *жмурик* указывает на привычку жмуриться, жменька в ситуации примера 2Б₃ – на невысокий рост и общую невнушительность фигуры *Женьки*. Однако возможны комментирующие слова с /жсм/ в своей структуре и без таких логических оснований (см. *Борык-жморык, Лора-жмора, Кірачка-жмырачка*). Примечательно, что в нашей подборке в структуре таких комментирующих слов помимо инициального /жсм/ фиксируется еще и звук /р/, как правило, завершающий корень слова. Заслуживает внимания также и то, что /жсм/ всегда сообщает как вновь образованному комментирующему слову, так и всему объединению с именем собственным некую негативную или хотя бы сниженную семантику, в то время как в исходном варианте (*Борык, Лора, Кірачка*) такой сниженности не наблюдается вовсе. Замена же /б/, /л/, /кi/ в представленных примерах на сочетание /жсм/ влечет за собой появление в семантике вновь образованных слов и сочетаний с ними определенных негативных или сниженных коннотаций.

Последние, тем не менее, могут быть сильно элиминированы с помощью общего тона высказываний. В случае заинтересованного, дружелюбного, «добродушного» по семантике тона в таких образованиях появляются коннотации непринужденности, подтрунивающей теплоты, особой близости отношений. В результате получается, что звук /м/, /m/ участвует в создании комментирующих слов самой разной направленности: положительной (*Suzie-musie*), ласкательной (*Jacky-Maccie, Lucy-moussie, Вася-мася, Катя-матя*), нейтральной (*Жора-мора, Коля-моля*), иронической (*Hillary-millary*), уничижительной (*Инна-мина, Кірачка-жмырачка*).

Целесообразно обратить внимание на культурную специфику употребления субморфных объединений с комментирующим словом, имеющим в своей структуре звук /м/, /m/. В американском и английском говорении вся палитра возможных созначений в нашей выборке представлена более равномерно, в нем чаще реализуются нейтральные и положительные созначения, хотя общая частотность объединений с /м/ содержащим комментирующим словом на порядок выше в славянских культурах (приблизительно на 20 % больше зарегистрированных случаев).

Какова роль подобных и других, без /м/ в своей структуре, объединений с именем собственным в организации пространственных, а именно дистантных отношений?

Представляется необходимым более точно определить понятия пространства и важнейшего его коррелята дистанции, расстояния, используемых в настоящей работе. Они видятся нам как категории, с помощью которых «обозначаются формы бытия вещей и явлений» и которые вместе с категорией времени являют собой «несущую конструкцию любой ... объяснительной системы мира» [11, с. 804].

Физика XX века, как и философская традиция, берущая начало от точки зрения Декарта, формирует представление о едином пространстве, задающем многомерные метрики бытия. Оно – неотъемлемая составляющая человеческого опыта, любого нашего взгляда на мир [12, с. 300], отражающаяся в языке и создающаяся при непосредственном участии языка. Лингвистика текста, герменевтика, теория интерпретации художественного текста уделяют значительное внимание изучению языковой манифестации пространства и роли дистантных отношений в структурировании и понимании текста, тщательно рассматривают текст как определенный мир смыслов, образующих некое семантическое пространство, структурированное языковыми средствами в связанное целое, в том числе и с помощью дистантных отношений. Традиционно рассматривается именно мир текста, а дистантные отношения понимаются как неотъемлемое средство организации макроструктуры каждого конкретного текста, мощный механизм когезии, превращающий его в определенное единство [13, с. 41].

Возможен, однако, и другой взгляд, рассматривающий в терминах пространственных или дистантных отношений языковую картину мира в целом и ее фрагменты – конкретные тексты в отношении к создающему их человеку. Расстояния, на которых в языковой картине мира позиционируются осмысленные, освоенные языковой личностью реалии подлинного мира, могут быть действительно полезными для понимания особенностей функционирования языка, закономерностей отражения в нем человеческого опыта. Некоторые реалии окружающей действительности оказываются помещенными на относительно

более значительные, отдаленные расстояния, некоторые – на привычные, нейтральные, третьи – на более приближенном или совсем близком расстоянии от «я» говорящего или пишущего субъекта.

Рассмотрим следующие высказывания.

А. *Солнышко встало.*

Б. *Солнце встало.*

Диминутивная форма существительного в первом высказывании меньше всего указывает на размер объекта. Одним из сознаний в данном случае видится дистанцированность называемого объекта от говорящего субъекта. *Солнце* воспринимается как более отдаленная реалья, чем *солнышко*. Последнее более соотносится с близким, родным, ласковым миром.

Примечательны в данном плане следующие фрагменты из записей подлинного говорения.

4. *Ды кавалачак той, во-о-ой, вялізны-вялізенькі, прама не з'ясі.*

5. *Балышуткі такі, росленькі, прыгожы-прыгожы!*

6. *Магутненькі быў час.*

7. *Many a pickle makes her dear little mickle.*

8. *The little big thing ruined her. Completely.*

Все они очевидным образом называют отнюдь не малого размера реалии, однако представляют их в уменьшительной форме, тем самым делая их частью более близкого мира, такого, который может соотноситься с понятием «свой», а не «чужой». Диминутивность в данном случае является прежде всего средством манифестации расстояния, пространственной характеристикой. *Вялізны-вялізенькі* (кавалачак) представляется более близкой реальей, чем *вялізны кус*. В других случаях употребления диминутивных форм сознание дистантности может быть не настолько очевидным, однако оно всегда присутствует.

Аналогичным свойством обладают имена личные (антропонимы). По нашим наблюдениям, они в определенной мере уменьшают официальность, отстраненность, дистанцированность текста. Сказанное верно даже о юридической форме личных имен. Исключение составляет, по-видимому, только фамилия. Так, личное имя *Инна* делает все речевое событие, представленное в фрагменте 1, менее отстраненным, дистанцированным. Замена данного имени на слова, обозначающие статус *Инны* или ее фамилию, сразу же увеличивает формальность, а значит и дистанцированность не только языкового действия, но и всего языкового фрагмента, как от кодирующего, так и декодирующего субъектов. Употребление не юридических форм имени данную дистанцию сокращает. *Инна, Иннушка, Иннуся* все-таки воспринимаются как менее отдаленные субъекты по сравнению с *Инной*. Таковыми представляются также и, казалось бы, уничижительные формы имени. Так, *Иннопа* (рус.), *Інопіца*, *Іноха* (бел.) указывают на более близкое расположение именуемого субъекта от употребляющего данные имена коммуниканта.

В соответствии с нашими наблюдениями, аналогичным образом воспринимаются и субморфные образования с именами собственными. *Инна-минна, Женька-жменька*, равно как и *Doreen-Morreen* воспринимаются как менее отдаленные от говорящего субъекта, чем просто *Инна, Евгения* или *Doreen*. Для верификации данного наблюдения был проведен эксперимент с заменой унификаций с именем личным на 1) нейтральное, общепринятое имя или 2) тот вариант имени, который использовался в унификации. В качестве информантов были приглашены 6 носителей языка (3 мужчины и 3 женщины) с высшим образованием (филологическим, лингвистическим, негуманитарным) для анализа текстов на каждом языке. Эксперимент проходил в два этапа.

На первом из них задачей информантов было отметить возможные изменения в семантике текстов после замены встречающихся в них субморфных унификаций с именем личным (например: *Tetsy-metsy, Ленка-Лянок* (бел.), *Уха-Надюха* (рус.)) на: а) те формы имен, которые реализованы в составе унификаций, то есть *Tetsy, Ленка* (отдельно), *Лянок* (отдельно), *Надюха*; б) соответствующее юридическое имя *Elizabeth, Алена* и *Надежда*). Если информанты считали, что замена имени повлекла за собой изменения в тексте, то их задачей было, по возможности, отметить, какие.

На втором этапе эксперимента информантам, заметившим изменения в тональности текстов или единиц ономастического именованя после модификации формы имени личного, предлагалось ответить на прямой вопрос о правомерности интерпретации установленных изменений в терминах дистантных отношений. Допускаете ли вы, – спрашивали мы, – что анализируемые формы именованя субъекта (указывалось, какие конкретно) привносят коннотации приближенности или отдаленности, дистанцирования рассказчика от именуемого данным именем или образованием субъекта?

Результаты первого этапа эксперимента позволили убедиться, что модификации в семантике высказываний с изменением способа ономастического именованя заметны не только лингвистам-исследователям, но и образованным носителям языка, до эксперимента совершенно не занимавшимся проблемами ономастики. Все информанты отметили, что замена унификаций на соответствующее имя личное приводило к появлению некоторых нюансов в семантике высказывания, особенно в семантике именуемых единиц. Конкретизация же данных изменений оказалась далеко не простым делом, хотя в

значительном количестве случаев все информанты были в состоянии записать несколько – один-два (чаще) и более (реже) – конкретных описаний появившихся созначений.

Наиболее простыми для интерпретации оказались случаи замены унификаций на соответствующее имя юридическое, повлекшие за собой, по мнению информантов, появление коннотаций официальности, отстраненности, нейтральности, обычности, формальности, бесстрастности, непричастности, отчужденности, публичности и даже холодности, несвойскости, недружелюбности действия. Приводимые слова-конкретизаторы взяты из ответных листов и приведены в порядке частотности их употребления информантами. Как видим, только некоторые из них непосредственно соотносятся с понятием расстояния, дистанции, а именно: отстраненный, отдаленный и, возможно, отчужденный. Целесообразно принять во внимание, однако, что официальность, бесстрастность, публичность, формальность также подразумевают определенную социальную дистанцированность. Кроме того, конкретизатор «отстраненный» в наших опросных листах оказался в списке трех наиболее частотных (см. три первые по приведенному списку), а «отдаленный» оказался на третьем месте по встречаемости. Как видим, ответы информантов дают серьезные основания полагать, что дистанцированность является значимым критерием при интерпретации единиц вербального общения, равно как и при проецировании языковой картины мира говорящим субъектом.

Значительно более трудными для интерпретаций в нашем эксперименте оказались случаи замещения унификаций не соответствующими официальными, юридическими именами, например, *Tetsy-metsy* именем **Elizabeth**, *Ленка-Лянок* официальной формой **Алена** или *уха-Надюха* именем **Надежда**, *Инна-минна* именем **Инна** (пример 1); *Жэнька-жменька* – **Яўгенія** (пример 2); *Doreen-moreen* **Doreen** (пример 3). Весьма сложными для интерпретации оказались такие сопоставления, в которых унификации с именем собственным в той или иной диминутивной форме противостояло только соответствующее имя в той же самой уменьшительной форме, например **Жэнька** (*Жэнька-жменька*), **Надюха** (*уха-Надюха*), **Tetsy** (*Tetsy-metsy*). Неслучайно именно на данном этапе в ответах информантов появляются предположительные формы: возможно, скорее всего, мне кажется, я думаю, похоже, думается, вроде как. В ряде случаев весьма многочисленных в белорусской и русской части эксперимента информанты ограничились только утверждением «мне кажется, что замена объединения, например *Ленка-Лянок* на **Лянок** привносит некоторые новые нюансы в именование субъекта». Конкретных пояснений, однако, в отношении данного замещения почти не было сделано. А двое информантов сочли возможным оставить запись «затрудняюсь ответить», еще один ответил «не знаю». Единственный конкретизатор пояснял, что *Ленка-Лянок* несет «большую прастораваю цеплыню», чем просто **Лянок**.

Данная унификация в нашем эксперименте оказалась одной из самых трудных. Неслучайно она выбрана нами в качестве примера. Сопоставление унификации *Ленка-Лянок* и имени **Ленка** таких трудностей не вызвало. Не прибегая к предположительным формам, информанты уверенно высказались в пользу *Ленкі-Лянок* как более «свойской», «сяброўскай», коннотирующей нюансы «любасці», «цяплыні», «замілавання», «узаемнасці», «інтымнасці». Имя **Ленка** видится им как нейтральное, будничное (будзённае), разговорное (гутарковае), обычное (звычайнае), непринужденное (бесцырымоннае), простое (простае), свободное (вольнае) и даже местное (мясцовае).

Уха-Надюха также воспринималась только в предположительной форме как более дурашливое, добродушно-насмешливое, дружелюбно-юмористическое, запанибратское по сравнению с просто **Надюхой**. Примечательно, что почти все информанты (пять из шести) сделали предположение о вероятности принадлежности данного ономастического именованного, как и всего высказывания в целом, к мужскому говорению, обозначив его как типично «мужское дружелюбное подначивание», «мужское шутовское именование», «мирное подтрунивание», «мужское добродушное подкалывание», «ирония с любовью», «мужское запанибратское именование», «мужское обычное подшучивание», «приятное мужское добродушие» (два последних конкретизатора взяты из анкет информантов-женщин).

Почему сопоставление субморфной унификации *Ленка-Лянок* и имени **Лянок** оказалось столь трудным для информантов? И почему именно данное сопоставление дало результаты, если и не свидетельствующие однозначно в пользу деривата **Лянок** как более теплого и менее дистанцированного именованного, но, во всяком случае, не подтверждающие более высокий потенциал унификации *Ленка-Лянок* в плане коннотирования близких проксемических величин. Ведь мнение всего одного информанта в весьма предположительной форме «мне кажется (здаецца)», которое поясняется замечанием, что *Ленка-Лянок* «больша адметнае» (заметное) имя, чем просто **Лянок**, представляется мало убедительным доводом против «затрудняюсь», «не знаю», «как будто бы одинаковы» остальных информантов.

Внимательное рассмотрение структуры данного субморфного образования, равно как и других в списке самых трудных случаев в нашем эксперименте, позволило убедиться, что причина, скорее всего, кроется в степени дистанцированности, коннотируемой составными частями данных образований. Так,

обе составляющие унификации *Ленка-Лянок* по формальным признакам являются диминутивными, образованными с помощью суффиксов, признаваемых как типично диминутивные в самых авторитетных учебниках и разработках по белорусскому языку. Вместе с тем их степень уменьшительности не одинакова. Во всяком случае, *Лянок* воспринимается как значительно более теплое, ласковое и приближенное именование, чем *Ленка*. Содержательная, а не формальная уменьшительность последнего более очевидна в сопоставлении с другими дериватами данного имени: **Лена, Алена**. Полагаем, что подобные различия могут снижать потенциал теплоты, близости, привязанности, коннотируемые унификациями типа *Ленка-Лянок*, по сравнению с просто *Лянок*. Неслучайно в нашем перечне трудных для интерпретации сопоставлений оказались именно такие, причем как в славянских, так и английском и американском языках. В последних, правда, в нашем материале они имеют несколько иную структуру – уменьшительная составляющая субморфного объединения реализуется первой, далее следует сокращенный вариант имени: *Katie-Kate, Nicky-Nick*.

Сказанное означает, что не всякое субморфное объединение может соперничать с обычным ономастическим именованием в плане передачи степени дистанцированности, а только те из них, в которых обе составляющие примерно равновелики по своему проксемическому потенциалу, или когда одна из них сильнее в данном плане, чем то имя, с которым производится сопоставление.

Безусловно, для окончательного вывода требуются специальные углубленные исследования. Вместе с тем имеющихся в нашем распоряжении данных достаточно, чтобы убедиться в существовании разных градаций признака дистанции, позволяющих весьма тонко, с учетом самых разных нюансов обозначать дистантные различия.

Более уверенно интерпретировались объединения с антропонимами, образованными на чисто фонетической основе, такие как *Tetsy-metsy, Клавушка-мавушка, Віцюля-міцюля* и *Віцюля-ціцюля*. Причем чем более сильно в них прослеживалась фонетическая общность «створок» субморфных объединений и чем сильнее выражалась их диминутивность, тем однозначнее информанты относили их и содержащие их высказывания к женскому говорению и отмечали сообщаемые ими коннотации тепла, любви, близости, интимности, общности, симпатии, особых отношений и даже счастья по сравнению с просто соответствующими именами **Tetsy, Клавушка, Віцюля** и т.п. Любопытно, что англоговорящие информанты, как англичане, так и американцы, делали подобные заключения значительно более уверенно, почти не прибегая к предположительной форме в своих ответах и приводя больше конкретизаторов, что скорее всего связано с разной частотностью и сферами употребления диминутивных имен в сопоставляемых культурах. В англоговорящих странах они встречаются чаще, особенно в формальных ситуациях. Даже премьер-министр в английской культуре именуется с помощью уменьшительных форм (*Tony Blair*), равно как и президент в американской (*Georgie – o Буше*). Неслучайно именно в этих культурах родилась форма *Gorbie* (Горбачев). В славянских культурах диминутивное имя более ограничено [14, с. 105].

Суммируя полученные данные в плане дистантных отношений между говорящим и именуемым им субъектом, представляется возможным признать, что в подавляющем большинстве случаев они позволяют сделать вывод о большей теплоте, интимности и т.п. всей тональности субморфных объединений с именем собственным по сравнению с просто соответствующими формами имен. Неслучайно на последнем этапе эксперимента, отвечая на вопрос о возможности интерпретации коннотаций, приносимых в высказывания субморфными объединениями с именем собственным в терминах дистантных отношений между говорящим и проецируемым им миром, информанты оказались весьма однозначны. Примечательно, что только треть из них свое положительное мнение выразило в предположительной форме.

Высказанная нами гипотеза, таким образом, нашла свое подтверждение. Кроме того, сравнение употребления субморфных унификаций с именем собственным с разной степенью дистанцированности от называемого субъекта позволило получить данные о гендерной значимости созначений дистанции, передаваемых данными единицами. В женских реализациях показатель самых коротких дистанций, как правило, выше. Более того, значительное количество женских унификаций сообщают только данный смысл: приближенность, интимность, теплоту, касание душ. Таковыми являются объединения, образованные на чисто формальной фонетической основе. Кроме того, неслучайно диминутивные формы в составе субморфных унификаций с именем собственным значительно чаще употребляются в женском говорении (до 2-х третей всех зарегистрированных). Так, *Lissie-Missie-Kiss* вместо *Melissa* имеет прежде всего созначение теплоты и близости. Данное общее созначение складывается из двух уменьшительных вариантов одного имени и непосредственного значения слова *kiss*. Кроме того, оно усиливается повтором названных уменьшительных форм, подчеркивается необычностью, даже ненормированностью сочетания разных форм одного имени в одном акте именования, привлекая к созначению близости, касания душ внимание собеседника. Только созначения теплоты, дружелюбия в женском говорении передают и многие чисто фонетические объединения (*Клавушка-Мавушка, Віцюля-міцюля* и т.п.).

В мужских реализациях даже относительно короткие дистанции, проецируемые субморфными унификациями с именем собственным, несколько удлиняются, в них по сравнению с женскими чаще прослеживается некоторая отстраненность. Последняя чаще всего манифестируется за счет подтрунивающего, ироничного или сниженного характера мужских именовании данной разновидности, их акцента на определенную логику (*уха-Надюха, Вован-диван*). В нашем материале почти $\frac{3}{4}$ всех подтрунивающих, сниженных номинаций обсуждаемой разновидности приходится на мужское говорение. Несколько меньший относительный процент их реализаций зарегистрирован в мужском говорении в белорусской культуре, но и там он достаточно высок – более 65 %.

Обобщая полученные данные, правомерно сделать **вывод** о том, что

1) субморфные унификации с именем собственным (антропонимом) являются весьма эффективным, хотя и незаметным, малочастотным средством коннотирования дистантных отношений. При этом данное коннотирование осуществляется градуально, в зависимости от конкретного построения каждого объединения;

2) наиболее сильными в сообщении кратчайшего расстояния являются построенные чисто по фонетическому принципу унификации, компоненты реализованы в диминутивной форме. Лексически асемантические составляющие в таких конструкциях начинают весьма сильно проявлять новый совокупный смысл, возникающий в новой фонетической и грамматической форме таких объединений и сигнализирующий отношения дистанции, чаще всего воспринимаемые как отношения теплоты, близости, фамильярности, связанности и т.п.;

3) данные объединения наиболее частотны в женском говорении, что позволяет считать их маркерами не только кратчайшего расстояния, но и определенного гендера, а проецируемый с их помощью мир – как более близкий, свойский, теплый;

4) вместе с тем не всякие субморфные объединения могут противостоять обычному именованию в плане передачи степени дистанцированности, а только те из них, обе составляющие которых примерно равновелики по своему проксемическому потенциалу, или когда одна из них сильнее в данном плане, чем то имя, с которым производится сопоставление.

Общая употребительность субморфных унификаций с именем личным невелика. Однако они весьма заметны, возможно, в силу необычности своей формы и относительной редкости употребления. Коннотируя значения разной степени удаленности именуемого ими субъекта от говорящей личности, они вносят определенный вклад в создание пространственного видения мира средствами языка.

Согласно данным исследований в нейропсихологии, наше сознание проводит различие между ближним и дальним пространством [2, с. 56 – 59]. Травмы разных зон мозга могут привести к тому или иному нарушению в восприятии данных разновидностей пространства. Язык также различает подобные градации (например, *здесь* – близкое пространство, *там* – дальнее).

Другим противопоставлением, значимым с нейропсихологической точки зрения, является различие между личным пространством и внешним [2, с. 61]. Данное противопоставление в некоторой степени проявляется в особенностях системы личных местоимений, хотя предназначение названной системы намного шире, чем просто отражение пространственных отношений [1, с. 28]. Еще одним проявлением отмеченного противопоставления правомерно считать особенности употребления субморфных образований с именем личным. Последние, так же как и личные местоимения, наряду с проксемическими значениями в значительной мере коннотируют еще и гендерную принадлежность коммуниканта, то есть имеют намного более широкую функцию, чем выражение только пространственных отношений.

Существует еще одно важнейшее противопоставление между типами пространственной ориентации, выделяемыми в нейропсихологии. Это различие относительной и абсолютной ориентации [15, с. 163]. Язык, как свидетельствуют исследования лингвистов, также маркирует различие между относительной и абсолютной ориентацией. Так, наречие *далеко* является примером маркера абсолютной ориентации, в то время как *вдали* отсчитывает дистанцию относительно наблюдателя. Субморфные унификации с именем личным правомерно отнести именно к данному типу маркеров пространственных, проксемических (в нашем случае) связей, ибо они описывают дистантные отношения не абсолютной ориентации, а относительно говорящего субъекта, представляя расстояния именно в том виде, в котором их концептуализирует данный субъект, помещая предметы своего обсуждения на определенную дистанцию от себя. Гендерная специфика как раз и появляется на этапе подобного проецирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты / В.Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – 2011. – № 1. – С. 19 – 51.

2. Halligan, P.W. Left neglect for near but not far space in Man / P.W. Halligan, J.C. Marshall // Nature. – 1991. – № 350. – P. 49 – 74.
3. Полюжин, М.М. Лингвopsихологическая версия когнитивизма и пространственная категоризация человеческого опыта / М.М. Полюжин // Язык и дискурс в статике и динамике: тез. докл. междунар. науч. конф., Минск, 14 – 15 нояб. 2008 г. (МГЛУ). – Минск, 2008. – С. 56 – 58.
4. Якобсон, Р.О. Морфологические наблюдения над славянским склонением / Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.
5. Реформатский, А.А. Местоимения / А.А. Реформатский // Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. – М., 1979. – 210 с.
6. Зализняк, А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку к общему языкознанию / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 752 с.
7. Иванов, В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему / В.В. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
8. Поздняков, К.И. О природе и функциях внеморфемных знаков / К.И. Поздняков // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – С. 35 – 64.
9. Путрова, М.Д. Гендерные особенности употребления унификаций с именем собственным / М.Д. Путрова // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 81 – 88.
10. Чуковский, К.И. От двух до пяти / К.И. Чуковский // Собр. соч.: в 15 т. Т. 2. – М.: Терра-Книжный клуб, 2001. – 640 с.
11. Грицанов, А.А. Пространство и время / А.А. Грицанов // Новейший философский словарь. – Минск: Интерпрессервис, 2001. – 1279 с.
12. Кречет, В. Пространство, время, движение / В. Кречет // Физика. Энциклопедия. ТIG. – 2000. – Ч. 1. – С. 300 – 311.
13. Дейк ван, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
14. Шур, В. Онiмы як альязiйны кампанент мастацкага тэксту / В. Шур // Полымя. – 2011. – № 10. – С. 100 – 111.
15. Robertson, L.C. Space objects, minds and brains / L.C. Robertson. – New York, 2004. – 318 p.

Поступила 28.11.2011

UNIFICATIONS WITH PERSONAL NAMES AS MARKERS OF SPATIAL WORLD VIEW

M. POUTROVA

The article reports results of comparative study into submorphemic unifications with personal names (anthroponemes) in the role of markers of spatial conceptualization of the world by the speaking subject on the material of authentic verbal behaviour in four cultures – Belarusian, Russian, English and American. Submorphemes are meant to be units described by R. Jakobson, that is submorphemic linguistic signs of the type -удэма in тудэма-сюдэма, -issi in Lissie-Missie, -авушка in Клавушка-Мавушка, -аўка in Клаўка-маўка. The article describes proximic, that is distance creating role of submorphemic unifications with personal names and establishes considerable correlation between the degree of proximity, connoted by them, and the gender identity of the speaker. It also reveals some culturally specific features in the realization of the unifications.